

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Роман Николаевич Ким – видный советский исследователь Восточной Азии и писатель

Научная конференция в ИДВ РАН, посвященная его творчеству

Е.У. Ким

26 мая 2016 г. в зале Ученого совета ИДВ РАН состоялась международная конференция, посвященная видному исследователю проблем Восточной Азии писателю Роману Николаевичу Киму. В работе конференции приняли участие историки, политологи, литературоведы России, Республики Корея, Японии и США, а также родственники Р.Н. Кима. Доклады были посвящены его биографии, особенностям его литературного творчества, оказавшего большое влияние на жанр политического детектива в советской литературе, на таких известных писателей, как Василий Ардаматский, Юлиан Семенов. Существует большая вероятность того, что образ литературного и кинематографического героя – знаменитого советского разведчика Максима Максимовича Исаева (Штирлица) подсказан Юлиану Семенову Романом Николаевичем Кимом, поделившимся своим опытом конспиративной и разведывательной работы на российском Дальнем Востоке в годы Гражданской войны (1918–1922). Роман Ким был одним из первых сотрудников советских спецслужб, профессионально занявшихся литературной деятельностью, одним из первых литераторов своего времени, оценивших вектор развития художественной литературы в сторону использования приемов документальной прозы, вплоть до фактического слияния с литературой «нон-фикшн», и использовал специфические художественные приемы, ранее свойственные лишь журналистике, документальной прозе или научным исследованиям.

Многие страницы его биографии до сих пор мало изучены: до сих пор точно не известны корни его рода в Корее, не найдены его родственники там, недостаточно достоверных сведений о роде семьи его матери.

Ключевые слова: Роман Ким, исследователь Восточной Азии, писатель, политический детектив, оперативный работник спецслужб.

Р.Н. Ким (1899, Владивосток – 1967, Москва)

1919–1923 гг. – студент восточного факультета Государственного дальневосточного университета (бывшего Восточного института). По окончании учебы получил рекомендацию выдающихся востоковедов профессоров Н.В. Кюнера и Е.Г. Спальвина для работы научным сотрудником кафедры экономики стран Восточной Азии «с поручением вести занятия по японскому языку».

1923–1928 гг. – доцент, профессор Московского института востоковедения (преподаватель японского языка и истории Дальнего Востока).

Научные публикации:

1924 г. – рецензия на книгу Сергея Елисеева «Современная беллетристика Японии», статья «О китайском студенчестве».

Первые переводы рассказов Акутагавы Рюноскэ «Дзюриано Китисукэ», «Тело женщины».

1925 г. – статьи «О современной китайской интеллигенции», «О современной японской литературе».

1926 г. – рецензия на книгу профессора Тадзаки «Экономическая мысль и экономический строй Древнего Китая», перевод рассказа Акутагава «В чаще» (1922), по нему в 1950 г. был снят фильм выдающегося режиссера Акиры Куросавы «Расёмон».

1927 г. – примечания (глоссы) под названием «Ноги к змее» к книге Бориса Пильняка «Корни японского солнца».

1928 г. – совместная статья Р.Н. Кима и Б. Пильняка «Японская пролетарская литература».

1933 г. – памфлет «Три дома напротив, соседних два» (о японской литературе).

1934 г. – Статья в журнале «Залп» «Военно-шовинистическая пропаганда в японской литературе и задачи советских оборонных писателей»; перевод рассказа Куросима Дэндзи «Головной дозор» (журнал «Знамя»)

Художественная литература:

1951 г. – повесть «Тетрадь, найденная в Сунчоне» (журнал «Новый мир» №5).

1954 г. – повесть «Девушка из Хиросимы» (журнал «Октябрь»).

1962 г. – повести «Агент особого назначения», «Кобра под подушкой», «По прочтении сжечь».

1963 г. – повесть «Кто украл Пуннакана?»

1965 г. – повесть «Школа призраков».

1966 г. – повесть «Дело об убийстве Шерлока Холмса».

1968 г. – рассказ «Японский пейзаж».

Оперативная работа:

Июнь 1923 г. – направлен в Москву в распоряжение 5 отделения КРО (Контрразведывательного отдела) в качестве секретного сотрудника, переводчика.

01.03.1932 – оперуполномоченный 4-го отделения ОО (Особого отдела) ОГПУ

01.12.1934 – сотрудник для особых поручений 6-го отделения 1-го отдела, затем 3-го отдела ОО ГУГБ НКВД СССР.

26.03.1935 – звание оперативный переводчик ГУГБ НКВД.

08.04 1934 – знак Почетного работника ВЧК-ГПУ (XV),
в 1932– 1934 гг. дважды награжден именованным боевым оружием от Коллегии ОГПУ.
1936 г. – награжден орденом Красной Звезды.

Арестован 1 апреля 1937 г. 8 июля уволен из органов НКВД со снятием с учета. 9 июля 1940 г. осужден Военной коллегией Верховного суда СССР по ст. 58-1а УК РСФСР к 20 годам заключения в исправительно-трудовом лагере с поражением в политических правах на 5 лет и конфискацией имущества. В августе 1945 г. по протесту председателя Верховного суда СССР Военная коллегия Верховного суда СССР определением от 10 сентября 1945 г. вынесенный в 1940 г. приговор отменила с направлением дела на новое рассмотрение со стадии предварительного следствия. В результате Ким Р.Н. был привлечен к ответственности по ст. 193-17а УК РСФСР и, по постановлению Особого совещания при НКВД СССР от 17 ноября 1945 г., лишен свободы на срок 8 лет и 9 месяцев, считая со дня ареста. 29 декабря 1945 г. вышел на свободу. 15 мая 1946 г. награжден медалью «За победу над Японией».

Реабилитирован 2 февраля 1959 г.

Приказом КГБ при СМ СССР № 246 от 22 июня 1959 г. уволен из органов КГБ по выслуге обязательных сроков обязательной военной службы в отставку (т.е. до этого времени, не реабилитированный, он продолжал числиться сотрудником органов?) [1].

* * *

26 мая 2016 г. в Институте Дальнего Востока РАН состоялась международная конференция, посвященная видному советскому исследователю Восточной Азии и писателю Роману Николаевичу Киму, организованная ИДВ РАН и Ассоциацией японоведов. В работе конференции приняли участие исследователи России, Республики Корея, Японии и США.

С приветствием к собравшимся обратился сопредседатель оргкомитета конференции, руководитель Центра корейских исследований ИДВ РАН **А.З. Жебин**. Он отметил, что Р.Н. Ким по праву является представителем яркой плеяды советских и российских корейцев, чьи таланты сумели проявиться и достойно послужить их второй родине. Судьба этого незаурядного разведчика и талантливый автор знала взлеты и периоды суровых испытаний, которые он с честью выдержал, оставив нам немалое литературное наследие, ценность и полнота которого еще далеко не раскрыты. Нынешнее обращение к его творчеству и судьбе – еще одно подтверждение духовного возрождения России и нашего стремления назвать тех, кто верой и правдой служил ей, ее героев поименно.

В приветственном слове президент региональной общественной организации «Потомки борцов за независимость Кореи» к.т.н. **В.В. Цой**, поблагодарил участников представительной международной конференции в честь российского корейца Романа Николаевича Кима, открывающей еще одну славную страницу в истории российских корейцев, в том числе в области обеспечения безопасности страны, и кратко проинформировал о выдающихся корейцах в России и СССР, среди которых были академики, лауреаты Ленинской премии в области науки, Герои Советского Союза, народные артисты, выдающиеся труженики полей,

депутаты разных уровней. Он сообщил, что его дед, Пётр Семенович Цой, и отец Р.Н. Кима, Николай Николаевич Ким, были соратниками по борьбе.

В своем докладе «Корейская оппозиция японскому владычеству в Приморье в конце XIX – начале XX века» модератор конференции, ведущий научный сотрудник Центра корейских исследований ИДВ РАН к.филос.н. **Ким Ен Ун** напомнил, что поселение корейцев на постоянной основе в России началось осенью 1963 г. Их миграция была связана с экономическими причинами и первоначально не была массовой. Но с усилением японского влияния, захватом японцами рынка, финансов и политических позиций в Корее нарастает политическая эмиграция из Кореи и прежде всего – в Россию.

Если в 1891 г. корейцев в Приморье было 12 857 человек, то в 1898 – 23 000, в 1899 – 27 000 и в 1902 г. – 32 380 человек. Установление протектората Японии над Кореей увеличило политическую эмиграцию, и к 1910 г. в Приморье проживало 51 052 корейца. После аннексии Кореи Японией поток еще больше возрос, и в 1914 г. корейцев было 63 949 человек, а в 1917 г. – уже 81 825 человек. После Октябрьской революции число мигрантов нарастало еще большими темпами – в 1937 г. на Дальнем Востоке СССР проживало около 200 тыс. корейцев, большая часть которых была уроженцами Кореи.

В ответ на японские действия по захвату Кореи начинается сопротивление корейского народа, которое принимало разные формы. Были мирные, а были и вооруженные способы борьбы, которые в начале XX века приняли форму борьбы вооруженных отрядов «Ыйбен» («Армия справедливости») и в Корее, и в России. Первый отряд Ыйбен в России был сформирован в 1906 г. в Посьетском районе Петром Семеновичем Цоем. Эти отряды совершали налеты на японские воинские гарнизоны и посты в Северной Корее. Летом 1909 г. в них принимал участие национальный герой Кореи Ан Чжун Гын. Именно во Владивостоке он готовил план покушения на бывшего генерал-резидента Японии в Корее маркиза Ито Хиробуми и оттуда же отправился в Харбин, где 26 октября 1909 г. привел его в исполнение.

Другими руководителями отрядов Ыйбен были бывший губернатор Кандо (Цзяньдао) Ли Бом Юн, бывший заместитель министра внутренних дел Ли Сан Сол, бывший полковник армии Кореи Ли Дон Хвы (ставший впоследствии одним из организаторов Корейской коммунистической партии), крестьянин Хон Бом До, которые потом поселились в России. Из числа российских корейцев Мун В.А. и Ли Дон Хвы были избраны министрами первого состава Временного правительства Республики Корея, провозглашенного в апреле 1919 г. в Шанхае. В годы японской интервенции в Приморье в 1918–1922 гг. корейские вооруженные отряды принимали активное участие в борьбе против японских интервентов – в подпольной, разведывательной и контрразведывательной. Многие революционеры из числа российских корейцев направлялись на подпольную работу в Корею в годы японского колониального владычества.

С докладом «Родина против родины. Противостояние японского и корейского национализма через призму биографии Р.Н. Кима» выступил писатель, японовед **А.Е. Куланов**, автор книги «Роман Ким» [2], вышедшей в марте 2016 г. в известной серии «Жизнь замечательных людей» издательства «Молодая гвардия», а также многих публикаций о Р.Н. Киме. Он отметил, что японский биограф Романа Кима Кимура Хироси

назвал свою статью о нем «Жизнь человека, имевшего три родины и ставшего игрушкой в руках судьбы».

Роман Николаевич Ким пережил сложную эволюцию национального самосознания. Рожденный в семье корейского подпольщика, тесно связанного с антияпонским сопротивлением, он вырос в семье японского националиста, и пережил в школе издевательства, связанные с национальной принадлежностью. Возвращенный в Россию, он оказался свидетелем преследований японской армией и полицией корейцев, живших на территории русского Приморья, сам едва не расстался с жизнью, что укрепило Кима в его антияпонских настроениях. Вместе с тем он был спасен от смерти японцем, с которым дружил и за которым следил всю жизнь.

Последующие события, например, резня корейцев в Японии после землетрясения 1923 г. в Токио, о которой он, безусловно, не мог не знать, и которая позже нашла отражение в его творчестве, его оперативная работа против японской разведки способствовали росту его неприязни к политике Японии. В то же время она постепенно нивелировалась его искренней любовью к японской культуре и литературе.

Сыграли свою роль, вероятно, приятные воспоминания детства, постепенный отход от националистических позиций в оценке того или иного государства и народа. Все это привело к тому, что после 1945 г. ни в творчестве, ни в какой-либо иной области деятельности Романа Николаевича Кима никаких прокорейских и антияпонских настроений не наблюдается. Годы и опыт, тюрьма и война привели к окончательному выбору Кимом в качестве родины не Японии и не Кореи, а СССР. Пережитое и переосмысленное сделали восприятие писателя более взвешенным и спокойным. Его японские друзья стали просто друзьями, а не одновременно объектами для наблюдения, его литературные интересы выплеснулись за пределы Дальнего Востока и охватили весь мир. Можно сказать, делает заключение докладчик, что на склоне лет в его душе наконец-то поселились мир и гармония.

О большом влиянии, которое оказал Р.Н. Ким на творчество Юлиана Семёнова, автора романа о выдающемся советском разведчике Максиме Максимовиче Исаеве (Штирлице), рассказал в своем докладе «Роман Ким и Юлиан Семёнов: эволюция жанра остросюжетного политического романа в отечественной литературе» историк, консультант дома-музея Юлиана Семёнова в Крыму **А.В. Репин**.

Он отметил, что личность и творчество Р.Н. Кима, незаслуженно находившиеся в тени на протяжении нескольких десятилетий, открывают перед исследователем подчас уникальные возможности по изучению истории отечественной литературы XX века и, в частности, развития жанров детективного и остросюжетного политического романа.

Р.Н. Ким, в силу происхождения и биографии, знал языки, культуру, повседневный быт и национальную специфику Кореи, Японии, Китая, что во многом определило его научные интересы как востоковеда и литератора.

В течение длительного времени он находился на оперативной работе в органах контрразведки и был одним из первых сотрудников советских спецслужб, профессионально занявшихся литературной деятельностью. Обладал профессиональными знаниями и терминологией специальных служб – как отечественных, так и зарубежных. В период оперативной работы имел доступ к первичным источникам разведывательной информации.

Знание иностранных языков давало в условиях СССР ощутимое преимущество в возможностях получения уникальных сведений информации, ее адаптации под советские реалии и использования в творческой деятельности.

Р.Н. Ким одним из первых литераторов своего времени оценил вектор развития художественной литературы в сторону использования приемов документальной прозы, вплоть до фактического слияния с литературой «нон-фикшн», и использовал специфические художественные приемы, ранее свойственные лишь журналистике, документальной прозе или научным исследованиям.

Одним из первых он использовал прием не только введения в прозу документальных материалов, но и стилизацию под документы, выполненную с учетом языковых и стилевых особенностей, характерных для делопроизводства спецслужб.

Возможно, на использование указанных приемов в художественной прозе повлиял не только опыт работы в спецслужбах, но и увлечение идеями ОПОЯЗа и теоретиков «формальной школы» в 1920-х годах.

В своих произведениях Р.Н. Ким на новом качественном уровне привнес в остросюжетную прозу серьезное политическое начало, то есть квалифицированное непосредственное описание, интерпретацию либо анализ политического феномена.

Исследования Р.Н. Кимом зарубежного детективного романа оказали заметное влияние на молодое поколение писателей, в частности на творчество Ю.С. Семёнова. В 1962–1964 гг. Р.Н. Ким, как очевидец и участник исторических событий, выступил в качестве источника сведений, использованных Юлианом Семёновым в романе «Пароль не нужен» и послужил прототипом для одного из героев романа – подпольщика Чена.

Указанные выше художественные приемы, используемые для раскрытия политической мотивации как ведущей в остросюжетном произведении и намеченные в повестях Р.Н. Кима, в новейшей отечественной литературе были развиты и достигли максимального творческого выражения в прозе Ю.С. Семёнова.

Историк, научный сотрудник Института восточных рукописей РАН **Ф.В. Кубасов** в своем докладе «Р.Н. Ким как зачинатель исследований ниндзюу в отечественном японоведении» рассказал о результатах своих исследований по столь популярной ныне в мире проблеме ниндзя. Тема средневековых японских лазутчиков-*синоби* (ныне больше известных как ниндзя) и их методов (*ниндзюу*) чрезвычайно востребована в массовой культуре как в самой Японии, так и за ее пределами, поэтому предметом собственно академического рассмотрения эта тема становилась довольно редко. Первым человеком, более-менее подробно рассказавшим о *синоби* на русском языке (а возможно, и вообще первым за пределами Японии) был Р.Н. Ким, и сделал он это в 1927 г. в тексте под названием «Ноги к змее», являющимся глоссами к книге Б. Пильняка «Корни японского солнца».

Сегодня известно, что Р.Н. Ким по-настоящему интересовался темой *синоби* и их искусства. Принимая во внимание деятельность Кима как подпольщика и службу в контрразведке, его интерес к японским лазутчикам представляется вполне естественным. Позднее этот интерес проявит себя в той или иной степени во многих детективных произведениях Кима, среди которых особенно выделяется рассказ «Школа призраков».

Эти два текста — «Ноги...» и «Школа...» — дают некоторый материал, на основании которого в докладе была осуществлена попытка ответить на вопросы: 1) каким видел Ким искусство ниндзюцу как в историческом аспекте, так и в плане его приложения к современным условиям; 2) откуда он черпал информацию по этой теме.

Без ответа на эти вопросы, думается, довольно сложно было бы говорить о том, в какой мере сам Р.Н. Ким применял (или мог применять) методы ниндзюцу в своей работе на спецслужбе, что, впрочем, требует дальнейших исследований.

Профессор университета Досия (г. Киото, Япония) **Саканака Норико** в своем докладе «Психоанализ в детективном романе, вопросы иронии и юмора в творчестве Р.Н. Кима» раскрыл малоисследованную тему иронии и юмора в политическом детективном романе на примере творчества Р.Н. Кима, что дает возможность с необычных позиций рассматривать вообще все его художественное литературное творчество.

Докладчик считает, что Роман Ким был критически настроен по отношению к «круто сваренным» детективам и «американскому теку». Он негативно оценивал «ортодоксальный» детективный роман, главной особенностью которого являются «всякие индукции и дедукции».

Несмотря на недоверие к детективной фантастике, Ким выбрал именно этот жанр, и этот выбор полон иронии. Общая черта сюжетов его произведений такова: случается что-то непостижимое, и сыщики приступают к расследованию, но то, что казалось тайной, оказывается в конце просто иллюзией или недоразумением. Ким постоянно «опрокидывает» структуру загадочной истории. Это дает нам право указать на аналогию между основной теоретической структурой Фрейда (ид – эго – супер-эго) и сюжетами Романа Кима. В первом случае супер-эго (или культура) рассматривается как сдерживающая преступление (или войну) сила, а последний начинается с агрессии и заканчивается арестом государственной властью, монополизирующей законное использование физической силы (агрессивность подавлена, то есть она посылается самой себе).

Другим странным пунктом работ Кима является превращение загадочного феномена в иллюзию, что аналогично с представлениями о юморе в теории Фрейда. Преступления происходят, и детективы приступают к их разрешению, но в конце сюжета оказывается, что их первоначально не существовало. Автор (супер-эго) делает любое умозаключение детективов (эго) бессмысленным, говоря им, что тайны не существует, а значит, нет необходимости быть серьезным.

В произведениях Кима разворачиваются странные, по отношению к стандартному детективному роману, сюжеты. В этом смысле его работа служит критикой в адрес детективной литературы, потому что юмор является психическим механизмом, который побуждает эго или других, наблюдающих ситуацию, обратить свои взоры на возможность иных решений.

В изложенном хорошем литературном и научном языке докладе профессора-русиста университета Чунан (г. Сеул, Республика Корея) **Ким Хон Чжуна** «Образ рассказчика глосс «Ноги к змее»» отмечается, что «Корни японского солнца» Б. Пильняка представляют собой необыкновенную прозу по своей литературной форме. Особое свойство произведения— огромное количество глосс. В отличие от обыкновенных примечаний, оформленные под

собственным названием, то есть как бы отдельное произведение, эти глоссы не только объясняют непонятные русским читателям ситуации и обстоятельства, но описывают и углубляют текст Пильняка. Именно «Ноги к змее: глоссы» написаны Романом Кимом.

«Ноги к змее» – не простое примечание, а экспериментальная совместная работа с Пильняком, входящая в интертекстуальное отношение с «Корнями японского солнца». «Ноги к змее» объясняют текст Пильняка, одновременно часто раскрывая личность Романа Кима как комментатора в полухудожественном стиле. Например, в начале глосс Ким объявил свою корейскую идентичность, используя дату «1 декабря 16 года Корейской Диаспоры», которая напоминает о лишении суверенитета Кореи в 1910 году. Однако в «Ногах к змее» он удерживает амбивалентную позицию наблюдателя как интеллигента, филолога и писателя.

Если мы оцениваем отношения обоих произведений с точки зрения художественного замысла, который соединяет гетерогенные единицы синтетическим способом, то текст Кима, в отличие от единого стиля текста Пильняка, проявляет проблему авторства в свете сказанного. В «Корнях японского солнца» повествователь является в образе осмотрительного путешественника, а рассказчик «Ног к змее» выступает в качестве корейского интеллигента, социалиста, японского былинника и оратора.

Через пересечение взглядов Пильняка и Кима «Корни японского солнца» и «Ноги к змее» повышают художественный эффект и одновременно объективизируют социальные, исторические и культурные реалии Японии.

Одновременно применяя стили комментариев, лекции, эпизодов, газетной статьи и статистических данных к глоссам, Ким строит новую художественную прозу.

Профессор Университета штата Индиана (США) **Хироаки Куромия** в своем докладе «Роман Ким в контексте российско/советско-японо-американских отношений» касается малоисследованной темы советско-американского сотрудничества в годы существования Дальневосточной Республики, а также в годы Второй мировой войны.

Докладчик отмечает, что Р.Н. Ким был суперэффективным оператором в контрразведке против Японии. Он посвятил свою жизнь целиком своей Родине – Советскому Союзу. Не было бы преувеличением утверждать, что именно благодаря его преданной деятельности Советский Союз победил Японию в конце концов. Однако его жизнь оказалась трагедией: он был репрессирован сталинским режимом, как и его жена, хотя оба уцелели... Ким честно и усердно воевал за Родину и за свой народ.

Жизнь Кима была полна и ироний. Хотя Москва поразила Японию, тесно сотрудничая с США, после Второй мировой войны старый друг вдруг стал врагом номер один. Как Ким воспринимал политические игры империалистических держав? Как он относился к участию Советского Союза в этих играх? Что означали в его жизни дружба, лояльность и измена?

История советско-американского сотрудничества представляет, как считает докладчик, неудобные факты и Москве, и Вашингтону, но именно в таких «неудобных играх держав» Ким принимал активное участие.

Ким хорошо понял суть международной политической жизни и считал жертвование своей жизни на пользу своей Родине святым долгом. Докладчику кажется иронией и то, что

его воспитание в Японии оказало существенное влияние на его восприятие долга и жертвования.

Литературный редактор издательства «Молодая гвардия» **М.Н. Береснева** в своем сообщении «К вопросу о корейской самоидентичности Р.Н. Кима» отмечает, что в докладе А.Е. Куланова «Родина против родины» выделены два момента национальной самоидентификации Р.Н. Кима:

1. Переход от осознания себя корейцем к обобщенному и объективному восприятию японцев при сохранении враждебного к ним отношения.

2. Преодоление ненависти конкретно к японцам и переход к «советскому» отношению к ним как части империалистического мира.

В биографии Кима эти два момента очень хорошо видны, например, во взаимоотношениях с Отакэ Хирокити. Отакэ спас Киму жизнь, и по традиции Ким оказывался ему обязан, однако он, будучи чекистом, должен был следить за своим спасителем, что могло вызвать глубокий психологический внутренний конфликт. Но если мы примем версию о том, что уже в это время по своему внутреннему ощущению Роман Николаевич стал советским человеком, этот конфликт, хотя бы частично, снимается. Ким совершенно искренне поддерживает и развивает просоветские убеждения Отакэ. Он как бы ставит себя между Отакэ и советскими спецслужбами, проявлявшими к тому интерес.

В литературном творчестве Романа Николаевича мы видим более глубокий и сложный конфликт. В связи с этим интересно сравнить точки зрения А.Е. Куланова и российского писателя, этнического корейца А. Кана, который в «Книге белого дня» высоко оценивает Р.Н. Кима именно как корейского писателя. Он подробно анализирует основные произведения Р.Н. Кима, признавая, что «он писал советские антимилитаристские романы, подробно описывая разведывательную деятельность, со всеми ее подтекстами и нюансами, которую, очевидно, хорошо знал. В данной повести через японскую тему — падение, унижение, отчаяние, иллюзия обретения собственного достоинства, — Ким показал все коварство, низость, подлость ... американского империализма, готового в своей непомерной алчности завоевать и затоптать всё и вся». Однако в «Школе призраков» А. Кан видит программное произведение Кима, своеобразную исповедь автора, повесть, где «за героем прямо-таки выглядывает автор». И задает тот же вопрос, что и А.Е. Куланов: «К кому обращено его самое главное донесение? К какому-такому повелителю и тирану его жизни?»

Но вот тут два исследователя по-разному пытаются ответить на этот вопрос, который, к сожалению, при нынешнем состоянии изученности источников о жизни Р.Н. Кима, видимо, еще долго будет оставаться дискуссионным.

Участники конференции также отмечали исследования Р.Н. Кима в области социально-экономических проблем развития стран Восточной Азии, культуры Японии в целом и литературы в частности. Можно только сожалеть, что нынешние студенты почти не знакомы с опубликованным в 1934 г. памфлетом «Три дома напротив, соседних два», свидетельствующим о глубоком понимании состояния и тенденций развития японской литературы.

Список литературы

1. Куланов А.Е. В тени Восходящего солнца / Александр Куланов. М.: Вече. 2014. С. 194–243.
2. Куланов А.Е. Роман Ким / Александр Куланов. М.: Молодая гвардия, 2016. 414 с.: ил. (Жизнь замечательных людей: сер. биогр.; вып. 1589).

Поступила в редакцию 14.06.2016

Автор:

Ким Ен Ун, кандидат философских наук, доцент, ведущий научный сотрудник Центра корейских исследований Института Дальнего Востока РАН. E-mail: kim@ifes-ras.ru.

**Roman N. Kim – a prominent Soviet East Asian studies
researcher and writer**

Scientific conference dedicated to the scholar's work for the IFES RAS

E.U. Kim

An International Conference dedicated to Roman N. Kim, a prominent East Asian studies researcher and writer, opened on May 26, 2016 in the Academic Council Hall of the IFES RAS. The conference, hosted by Institute of Far Eastern Studies of Russian Academy of Sciences, has been attended by historians, political studies researchers, literary critics from Russia, Republic of Korea, Japan and the USA, as well as family members of R. N. Kim. The addresses and speeches delivered were devoted to his biography and literary works, which had exerted great influence on the genre of political detective in Soviet literature, especially upon such famous writers, as V. Vardamatski and Yulian Semyonov. There is a high probability that the literary and cinematic image of the famous Soviet spy Maxim M. Isaev (Stirlitz), Julian Semyonov's literary hero, has been suggested by Roman N. Kim, who had shared the experience of working for the Secret Intelligence in the Russian Far East during the 1918-1922 civil war. Roman Kim was one of the first employees of the Soviet Secret Service, who have later become professionally engaged in literary activity. He was one of the first writers of his time who have estimated the vector of literature development towards documentary prose up to the state where it actually merges with non-fiction literature. Kim was one of the first to use specific literary devices and methods, drawing on experience of journalists, documentary prose writers and scientific researchers. Many pages of his biography are still unknown. Not much is known about his family roots in Korea, nor about his mother's, his family members there have not been found.

Keywords: Roman Kim, East Asian studies researcher, writer, political thriller, operatives of Intelligence Service, operation section employee.

Author:

Kim En Un, PhD (Philosophy), assistant professor, senior research fellow, Center for Korean Studies, Institute of Far Eastern Studies of Russian Academy of Sciences. E-mail: kim@ifes-ras.ru